

Андрей Днепровский-
Безбашенный (A. DNEPR)

Верить в себя

НОВЕЛЛЫ

**Андрей Днепровский-
Безбашенный (A. DNEPR)
Верить в себя. Новеллы**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305200

ISBN 9785448389955

Аннотация

Новеллы Андрея Д. Б. хороши и прекрасны, читать их сущее удовольствие. Генеральный директор Смоленского телевидения Людмила Шершнёва

Содержание

Воля судьбы	5
Вишнёвый сад	10
Вперёд – Гардемарин!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Верить в себя Новеллы

**Андрей Днепровский-
Безбашенный (A. DNEPR)**

© Андрей Днепровский-Безбашенный (A. DNEPR), 2017

ISBN 978-5-4483-8995-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воля судьбы

(между небом и землёй)

Когда с вашего носа уже слетают очки и вы без них просто не можете, когда вы по забывчивости на эти очки часто садитесь, или же ищите их, когда они у вас на носу, или когда вы становитесь очень обидчивыми, всё это говорит только о том, что вам далеко да восемьдесят с пушистым таким красивеньким хвостиком. Но это и радует, что вы смогли дожить до этого времени! (увы, у многих и это не получилось, дай Бог нам дожить хотя бы до этого возраста). Если по малому счёту, человеку мало что нужно: встретить новый день, увидеть солнце над головой и жить, жить, и жить, до морковки-ной заговены. Или прожить ещё один день, или полдня, или минуты, да, хотя бы секунды.... И дай Бог, чтобы у вас были такие дети, чтобы о вас позаботились и не тянули бы деньги с вашей заслуженной пенсии, не выгоняли бы вас из квартиры и не ждали бы вашей смерти.

У Николая Ивановича и Глафиры Петровны были хорошие дети, которые отправили их отдыхать, нет, не в Египет или Тайланд, а просто в хороший дом отдыха под Москвой, где о них очень заботились. В том доме отдыха был и бассейн, и фитнес, но старикам они были уже не нужны, им ну-

жен был только покой. Николай Иванович был тот ещё живчик, он мог ходить на ногах, а Глафира Петровна немножко сдавала, она больше любила кресло-каталку.

В их возрасте уже мало что удивляло, а скорее всего, успокаивало, они жили воспоминаниями о том самом времени, которое называется – молодость! Когда жизнь ещё впереди, а не уже позади, когда будет, как будет, когда всё ещё интересно, а не когда всё уже знаешь, а самое главное, что нигде ничего не болит, когда женщины привлекают и иной раз хочется выпить. (м-да, когда женщины не привлекают, а выпить не хочется, всё это признаки старости).

Стариков больше тянули воспоминания, они перебирали четки из дней, что им были отведены их величество – жизнью!

По воли судьбы они собирались под вечер в холле пансионата, где маэстро играл на рояле старые твисты, от чего их душа просто плясала от радости. Николаю Ивановичу, в жизни, можно сказать, повезло, во всём, кроме тёщи, с которой он так разругался, что та ему перед смертью сказала:

– Если умру, хоронить меня не приходи, иначе я встану из гроба и плюну тебе прямо в морду!

Не хоронить тещу он так и не смог, а тёща своё слово сдержала, встала из гроба и плюнула! Ох, нехорошо это было, но никуда это не денешь... А так, хороший он был человек, гвардии генерал, Ростов-на-Дону два раза сдавал, но и брал

тоже два раза! И Киев он брал, хоть и сдавал, и Харьков, Берлин тоже брал, правда потом, после Победы пол Берлина отдал совершенно без боя, но это было – потом.... Бывало, как встанет перед окопом на бруствере, рукою махнёт, и снаряды вперёд полетят, и танки ринутся в бой...! Но всё это было когда-то.

Николай Иванович в молодости любил одну девушку, на которой мечтал жениться, да так и не женился, о чём жалел до сих пор. А у Глафиры Петровны жизнь тоже вот не сложилась, она когда-то сильно влюбилась, но тоже вот, не судьба, с суженным жить, как-то не получилось. Послушала маму, вышла замуж за председателя сельсовета, так сказать с перспективой карьерного роста, но председателя посадили за растрату имущества.

Эх, много б они отдали за то, чтобы время вспять повернуть, но время вспять повернуть – невозможно! Их душу согревала только надежда, хоть когда-то увидеться, и вместе дожить те дни и минуты с секундами, которые Бог отведёт, ведь надежда – великое дело!

* * *

В этот раз Глафира Петровна с Николаем Ивановичем оказались у рояля, а когда маэстро закончил играть почему-то свадебный марш Мендельсона, предались разным вос-

поминаниям, и стали друг другу рассказывать, про свою непутёвую молодость.

Тем временем в небе появилась Венера, богиня любви, что своей красотой только лишь подогрела их память.

– Глафира Петровна, я родом сам из Сибири, с Байкала, с деревни, что называется Оймур... – стал было рассказывать Николай Иванович про свою молодость, от чего Глафира Петровна сразу же вздрогнула. – У меня там была такая любовь, да вот не судьба. Мы долго встречались на берегу у омулёвой бочки, в условленном месте в нише под камнем записки друг другу писали, правда, место то было змеиное, я руку всегда под камень боялся совать, так как змей страшно пугаюсь, но письма любимой, однако же, доставал, когда было солнце. Тогда я колечко ей подарил, вроде печатки, что мне досталось от бабушки, там были буквы P.S. До сих пор помню это колечко, эх, найти бы её, я всё бы отдал, что бы вместе дожить! – словно в бою, махнул вдоль жизни рукой старый гвардеец. – Так жизнь бы дожить, чтобы душу мне согревала! Я письма те сохранил, её замуж позвал, но она не ответила... – достал из-за пазухи от времени пожелтевшие листочки Николай Иванович и протянул Глафире Петровне. – А теперь, жизнь уже прожита, теперь между небом и землёю находимся.

Глафира Петровна письма долго рассматривала, а после

заплакала, просто навзрыд, она так громко рыдала и плакала, словно молодость хоронила.

* * *

Когда Глафира Петровна отдавала листочки обратно, что были тронуты временем, Николай Иванович на её пальце увидел колечко с чёткой выбитой надписью P.S.

Андрей Днепровский-Безбашенный.

(A. DNEPR)

14 января 2017г

Ваш покорный слуга тоже был когда-то молод душою!

Вишнёвый сад

(– Опа! И не балуйся...!)

Чудно время цветения вишни. О многом оно говорит. Можно лечь на спину среди цветущих деревьев и часами любоваться этим божественным созданием природы, вкушая аромат цветения. Можно подумать, что-нибудь вспомнить, что было дорого твоему сердцу происходившее здесь когда-то, и, казалось бы, ещё совсем недавно... Но, увы, время летит птицей, и ох уж эти – гады годы...

Вот так и помещик с серьёзной фамилией Троекуров любил побродить мыслями в своём саду, который выдался у него на славу. Любил он свой сад, и тут уж как говорить – ни дать, ни взять. Обычно, дождавшись цветения вишни, он приглашал со всей округи в гости друзей, каждый раз встречая их пылко и радостно.

Это было ещё в те ветхозаветные Чеховские времена...

Троекуров с утра лично грохотом мелкокалиберной пушки салютовал гостям у ворот своего поместья. На этот раз к нему пожаловал из Москвы сам тайный советник, с которым они ещё в отрочестве были друзьями.

– А! Семён Семёныч! Дорогой ты мой человек! Век тебя дожидался! – любезно обнимал помещик тайного советника на дворе возле экипажа. – Подустал поди с дороги-то

и запарился весь родимый! Ну ничего, молодец, что приехал! Не побрезговал нашим достопочтейнейшим вниманием! Приехал к нам тушканам, как нас теперь в городе называют.

– Да что ты? Что ты родимый! Я завсегда рад тебя видеть! – в ответ хлопал по плечу помещика тайный советник.

– Ну, проходи родной, проходи! Я тут намедни обжелезился весь, вот решетки на окна в поместье распорядился поставить, от подлёта (разбойника) и прочего лихого люда. Знаешь ли, всякое может случиться...

Троекуров обнял и крепко поцеловал советника, тут же сплюнув, потом ещё раз крепко его поцеловал и опять смачно сплюнул.

– Вот сад свой вишнёвый всё берегу – продолжал он. – А то времена-то сейчас, сам знаешь какие? Глазом моргнуть не успеешь, как всё разбоярят да ещё чего доброго голым по миру пустят... Выволчились все, понимаешь ли, высволчились...

– Ну, что нового-то у тебя? – поинтересовался Семён Семёнович.

– Да ничего. Тут бы со старым подразобраться. Кругом один облом. Обломовщина одна. Только какую сделку прицелишься провести, а тут штучка какая маленькая выявится и всё обломается. Прямо не знаю, как и быть. Дочка Настенька, кровинушка моя ненаглядная в девках уже засиделась, замуж пора бы её определить за богатого и умного челове-

ка. Я тут, понимаешь ли, учителя француза (хранцуза почему-то всегда говорил помещик) на днях из столицы выписал за большие деньги, Настеньку учить хранцузскому и хорошим манерам, что бы, знаешь ли, не стыдно было в высоком обществе появиться, вот. Я ведь и деньги ему большие плачу, сам понимаешь. Говорят, что человек, который не получает достойного вознаграждения за свой труд – опасен для общества...

– А мусье по дороге «бревно бросил», с гонорком, понимаешь ли, оказался, волну поднимать стал. Устроил мне тут на станции выход государя императора из царского поезда. Ну, осадил я его кнутом-то немного, всё же не господин. Во флигелёк его поселил с прислугой, вот, в отдельную комнату. А они там чего-то с конюхом Герасимом никак не уживутся, никак их мир не берёт. Мусье говорят, от конюха-с дурно-с пахнет-с, и мысли де у него от этого великосветские сбиваются, и скачут в голове как Герасимовы лошади. Вот, думаю теперь, как развенчать это дело. Может быть, не стоило мне мусью с прислугой селить вместе? А? Как ты думаешь, дорогой ты мой Семён Семёнович? – вопросительно посмотрел помещик на своего друга.

– Я думаю, что пусть пока поживёт, малость пообтешется, пообстругается среди прислуги, а потом пуще прелестное ценить станет – рассмеялся тайный советник.

– Да я уже по всякому думал, и так прикидывал и этак. Настенька теперь, в господской неподалеку получается. Дело-то

молодое, глядишь, и до греха недалеко. За всем-то не уследишь. И что мне тогда делать? А? – опять всерьёз озаботился Троекуров, на что Семён Семёнович рассмеялся ещё больше.

Тут старые друзья и сами не заметили, как за разговорами оказались на аллее сада, в конце которой был накрыт шикарный стол с разными яствами под добрую водочку-с.

А Герасим тем временем с мусью и вправду грызлись как собаки и никак не уживались. Не брал их мир и всё тут. Герасим на службе у помещика уже давно состоял, всё делал исправно, его репутация за всё это время ни разу не подрывалась, в отличие, от только что прибывшего француза.

Мусью с именем Николая, или же просто Николай, если брать на русский манер, представлял собой эдакого шелкового франта с изысканными манерами. У него было интеллигентное лицо и модное пенсне, и ещё дорогая трость, которую он всё время выставлял на показ, крутя ей по делу и без дела. Естественно, такому образу тяжело было ужиться с Герасимом, которого отличали совершенно другие манеры поведения, которые были ближе к его работе. А слова в грубом и неправильном произношении, типа – «Тпрррууу! Стыль окаянныя! Пшли вон!» – так и вообще бесили и выводили из себя Николая, так как душа у него была творческая, педагогическая, тонкая и легко ранимая. Ну не было у Герасима той остроты, мягкости, того полёта и горения мысли... Воистину не было!

А началось всё с того, что Герасим по своей доброте душевной хотел всего-то поближе познакомиться с французом, да выпить с ним самогоночки самую малость. Делов-то. А француз к такому оказался не привычный и грубо попросил Герасима вон прямо с порога, чем, возможно, сильно обидел конюха. Да видать крепко у конюха та обида в мозгу засела. Втемяшилась она ему в душу занозой, и решил Герасим отомстить Николаю, хотя и не злопамятный он был мужик. Видать сильно его «зацепили» французовы выкрутасы, да так сильно, что по-другому он, наверное, поступить уж никак не мог...

Тем временем день в поместье Троекурова уже стал подходить к концу. Наичудестнейший денёк выдался, прямо загляденье какое-то. Редкий год такими деньками может похвастаться, просто редчайший...

В вишнёвом саду всё уже было готово. На поляне стоял белый рояль, от зеркального пруда хрустальными звуками отражалась его душевная музыка. Веселились нарядные барышни, рассаживались за столы гости, и все они, по неписаной Троекуровской традиции – дожидались полного заката солнца. И всё это так красиво смотрелось в лучах пурпурной зари, которая с каждой минутой как будто бы вносила в эту картину новые штрихи времени... Всё это выглядело настолько великолепно, что прямо... хоть ломтями нарежай и ешь, от чего на душе у гостей было какое-то приятное торжественное спокойствие.

И вот перед гостями появилась, вся в высшем и белом красавица Настенька.

— Господа! Солнце — зашло! — с таинственным замиранием в сердце обратилась она ко всем присутствующим. При том её лицо так сияло, отливая свежим и здоровым румянцем, а глаза так счастливо блестели, что этому блеску и сиянию позавидовала бы сама царица Клеопатра, если бы была живая.

Дружным залпом ударил салют, и зажглись, заискрились праздничные фейерверки, озаряя своим огнями белый праздничный сад. И это был настоящий праздник! Троекуровский праздник цветения вишни, который своим великолепием стал входить в самый разгар.

Помещик Троекуров скромно похвалялся гостям и в особенности Семёну Семеновичу своим садом и дорогим французским учителем. А француз Николя всё время был подле Настеньки, постоянно её наставляя и поправляя в смысле самых хороших и светских манер.

Впрочем, Николя вовсе не был глупым малым, и после стопочки, другой веселящей водовочки, в его голову стали приходить радующие и обнадёживающие его светлую душу мысли. Он начинал задумываться, а не попробовать ли мне выбиться в господа и не увлечься ли всерьёз дочкой Троекурова. Может быть, что и получится — уже начал было мечтать он.

Настенькино же милое личико после шампанского стало

гореть ещё сильнее, а глаза стали блестеть ещё ярче...

– Миль пардон, мадмуазень – обратился Николя к дочке помещика. Мол, а не прогуляться ли нам по отдалённым аллеям вашего прекрасного сада, так сказать наедине, вдали от шума «городского»? При том француз гордо вскинул голову, взмахнул тросточкой и выразительным жестом поправил на носу модное пенсне, одновременно поразив собой присутствующих гостей, от чего многие дамы от восторга и с замиранием в сердце просто ахали...

– Ну, какой обходительный учитель? Какие у него хорошие манеры...?

Николя с Настенькой под ручку степенно удалялись в сумерки тенистой аллеи... Где мусью уже поджидали-с Герасим, загодя просчитав в голове своей деревенской смекалкой, всё правильно расставив и точно предвидев. Дело-то, мол, молодое, мусью будут «шерше ля фам» (искать женщину), они малость подопьют и в женихи обязательно начнут набиваться, начнут обязательно кадрить дочку помещика – ведь приданое-то у неё, ой какое большое!

Герасим в самом конце аллеи деловито разложил между деревьев крепкую тонкую сапожную дратву с глубоким смыслом, что мусью обязательно в дальней аллее будут дефилировать туда сюда и на каком-то месте зайдут-с вперёд. И тут он своей жилистой рукой потянет за родимую верёвочку, и та зазвенит струной между деревьев, аккуратно в верхке от поверхности земли... А пока Герасим терпеливо ждал ле-

жа в кустах потягивая сигарку.

По дороге в речи Настеньки и Николая поровну присутствовали русские и французские слова, как бы переплетаясь между собой. А Настенька думала, ну какой же это воспитанный и эрудированный человек, и что она, наверное, многому и хорошему от него научится. А то вот папенька, например, иногда-с сквернословят-с...

Право, уж больно они впечатляющие – эти поздние летние вечера в цветущем саду, когда в глубоком смирении с неба начинают смотреть на людей таинственные звёзды, а атмосфера уединения, начинает людей просто подталкивать друг к другу.

Николя немного зайдя вперёд и экстравагантно так развернувшись перед мадмуазель Настенькой, стал было делать глубокий такой реверанс с поклоном, чувствуя, как душа Настеньки от его неотразимых манер начинает таять как лёд...

Герасим же, в этот самый момент, докурив сигарку, своей мозолистой рукой крепко натянул дратву, и – Опа! И не балуйся!....

В реверансе следующий шаг у Николая не получился. Его нога зацепилась за натянутую верёвку, головной убор и пенсне с него вмиг слетели, равновесие было потерянно, в воздухе мелькнула дорогая тросточка.

– Уууёб! – громко послышалось одновременно с падением и хрустом сломавшейся трости из слоновой кости. – Сука!!! Какая блядь тут натянула верёвку!!? – вдруг с чисто русским

матерным фальцетом вырвалось у француза, который почему-то разом забыл о всех культурных манерах.

На Настеньку же, на это молодое, чистое и изящное существо, которое хотело любить, быть любимой... и гореть по ночам необъятной страстью такой оборот события великосветского превращения подействовал настолько убийственно, что она стала заикаться.

– Ду-ду-ду-рак! Вскрикнула она, и, закрыв лицо руками, в порыве полного непонимания происходящего побежала жаловаться папеньке.

На утро контракт Троекуров с французом расторгнул, предложив ему выметаться вон и без завтрака.

А вишнёвый сад стоит до сих пор. Сколько судеб переплелось в нём, в тени его аллей и деревьев, которые постигли и свершения... и неудачи.

Много он повидал в своей жизни... и, наверное – многое ещё увидит...

Андрей Днепровский – Безбашенный.

28 июня 2004г

Вперёд – Гардемарин!

(– Эх, молодость, молодость...)

Высоко, высоко в небе ярко светило солнышко, уже начиная пригревать своим теплым весенним лучом. А в воздухе, нет, нет, да и пахнёт ранней весной. На ветках деревьев уже потихоньку стали набухать почки, а плац военного морского, десантного училища уже не нужно было курсантам очищать от так надоевшего им за долгую зиму снега. Весеннее настроение, особенно сильно ощущалась будущими офицерами, которые стояли сейчас на плацу, на разводе по стойке «смирно».

Высоко подняв подбородок на «равняйся» и «замри», они тихо и жадно вдыхали свежий весенний воздух, ощущая его... давно позабытый на вкус.

Командир училища, контр-адмирал говорил о боеготовности и боеспособности и о том, что они, можно сказать – выпускники и уже почти офицеры, должны в любую минуту – оправдать доверие Родины. И доверие это, как бы это сказать помягче – не опозорить...

Молодой гардемарин Василий Беляев, тоже внимательно слушал и вникал в слова своего командира, боевой дух которых, лучезарно реял и фосфорил над плацем, над округой, поднимаясь всё выше и выше.

Но Василий, насквозь проникаясь мыслями командира, и, вопреки всей серьёзности происходящего, почему-то стал, незаметно для себя отвлекаться... на чисто женскую тему. А она, эта самая, женская тема, всплывала в его голове, почему-то, ровно каждые три минуты!

Буквально вчера на танцах местного клуба, Вася познакомился с девушкой из ткацкого училища, дислоцировавшегося, (говоря языком военных), совсем неподалёку. Где из танцующих, сильно голодный взгляд красавца Василия, вдруг выхватил девушку, которая, особенно пристально привлекала его внимание, те элементы танца, которая она исполняла, на модную в то время музыку группы «Моден Токин», подействовали на Василия как гипноз. Девушка так плавно делала в воздухе замысловатые пируэты, с такими лёгкими и ни к чему не обязывающими движениями, что Василий совсем неожиданно для себя... в неё просто влюбился. Да так сильно, что захотел её прямо сейчас по-военному как из пушки, прямо сию минуту (как любил говорить его корабельный старшина).

– Возможно это та самая девушка, без которой мне на моей нелёгкой службе, будет очень, и очень трудно... – ловил себя он на мысли.

Со стороны, она вроде была так себе. Худая фигура, лицо, то ли в оспах, то ли в шрамах, но её грудь, которая так плавно колыбалась при каждом движении, Василия просто выводила из себя, в подтверждение тому, трещавших пуго-

виц его курсантских штанов...

– Малость худая, но ничего, сухие дрова жарче горят – успокаивал себя молодой гардемарин.

И вот выбрав момент и пойдя на abordаж, Василий не просто пригласил девушку на танец, а захватил, так резко и по-военному. Музыка пошла «забойная», и толпа, подходя к самому пику танцевального экстаза, вдруг перешла в ритм «крутого стибалова». А Вася с девушкой продолжали танцевать медленно, медленно.

– Я Василий – гардемарин... морского, десантного командного – рапортовал он.

– А я Люда – скромно ответила девушка, стеснительно улыбаясь. – У Вас, что, в вашем военном – морском, все так девушек приглашают, даже не спросив берут сразу на abordаж? – как бы тонко заигрывая, тихо начала вести диалог Людмила.

– Да нет, только я, Василий! – тоже, как бы немного смущаясь, ответил он.

В этом медленном танце, они как-то сразу и почти без слов понимали друг друга...

Потом снова звучала музыка – «Давай вперёд, гардемарины, едины память и душа, судьба и Родина – Едины».

– «Едины, едины»... – плыло в голове Василия, и он в танце стал прижимать Люду к себе всё ближе и крепче.

Так они и танцевали вместе до самой проверки перед отбоем, на которую гардемарин потом бежал бегом, и едва

не опоздал.

После Василию ещё много раз встречался с Людой в комнате её общежития. Смысл слова «встречались», ни как не может отобразить в действительности всего того, что происходило между ними.

Наверное – это была молодость, со всем свойственным ей безрассудством...

Люда никогда не грузила Васю подобными вопросами, типа: – Ты женишься на мне? и т. д. Она, всегда в пылу любви сначала тихо, а потом всё настойчивее и настойчивее производила...

– Да, да, да! – повторяла она с каждым разом всё твёрже и увереннее.... И от этого Василию хотелось её любить и любить ещё больше.

– Вперё-ё-ёд...! Гардемарин! Продолжая всё чаще и чаще повторять его подруга...

– Да! Да!! Да!!! Да!!!! Ну, ты даёшь, Васька! Ну!! Давай, самый полный вперё-ё-ёд!!! Вперёд – гардемарин!!! – теперь уже кричала она, мотая головой в разные стороны, теряясь в сознании происходящего. Она, гладила каждый раз его везде, везде... по всему телу, с жаркими и ласкающими поцелуями, мягко царапая спину...

– Васюнчик, миленький, ну давай, давай! Давай, самый полный – Вперё-ё-ёд!!! Ещё! Ещё, чуть, чуть! Ай! Ой! Качает, прямо как на волнах! Ну, ты просто молодец! Ты настоящий военный моряк! Ааа! Ой, ей, ей! Василию, ты на-

стоящий герой... Родина и флот – тебя теперь вовек не забудут! – обычно в заключении говорила Людмила, когда всё в очередной раз заканчивалось, и они часто дыша в изнеможении, откидывались на кровати...

И какое-то время, всё было именно так. Может быть пару месяцев, а может быть и больше. Васе нравилось, что Люда не накидывает на него сети, и вообще, вовсе не стремится захомутать его, а просто наслаждается с ним жизнью и любовью, во всём её полном смысле этого понимания и слова, и души и тела...

И Василий, каждый раз уходя от подруги и спускаясь по канату с третьего этажа её общежития, (по предварительно припасённому им с родного училища канату), летел как на крыльях, под впечатлениями и желанием новой встречи.

Правда, конец верёвки, до земли не доставал, метра этак.... три. И Василий, иногда, при неудачном приземлении, распластывался лягушкой, думая, – что, если бы у лягушки были крылья, то она бы каждый раз так не отбивала себе задницу.

Время о встречах, то есть – как держать связь, Василием решены были предельно просто. Под гусеницей морского десантного и давно заброшенного транспортёра, стоящего на вечной стоянке возле забора с дыркой на территорию училища лежала пустая стрелковая гильза. В которой, Людмила и оставляла свои записки, с пометкой – «место встречи изменить нельзя». Вот так они и жили...

Иногда они гуляли. Их главным предметом обсуждения в основном была воспитательница Люды. Воспитательница была дама сорока лет с весьма, своеобразным таким характером, отличающимся строгостью к своим подопечным. За глаза её иногда называли «Мегерой». Впрочем, у неё было имя. «Мегеру» звали Любовь Александровна. Когда-то она бала замужем, но что-то там у неё не сложилось и она теперь жила одна. И ещё у неё была голубая мечта, которую она видела да же во сне – стать комендантом общежития.

– О боже, не дай бог с ней оказаться, в посели... – как-то увидев её случайно на улице, подумал про себя Василий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.